

ОДИССЕЙ

2021

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Social Entities
and Their Metaphorical
Interpetations*

Moscow IWH RAS 2021

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Социальные категории и их
интерпретация на языке
метафор*

ИВИ РАН 2021

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году
А.Я. Гуревичем

Редакционная коллегия:

А.О. ЧУБАРЬЯН (гл. ред.), Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. гл. ред.),
А.Б. ГЕРШТЕЙН (отв. секретарь; отв. ред.),
Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛОВА (отв. ред.),
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. гл. ред.),
М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ

Редакционный совет:

В. ВЖОЗЕК, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Н. ЗЕМОН ДЭВИС, А.А. ПАНЧЕНКО,
Л.П. РЕПИНА, Ж.-К. ШМИТТ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук М.С. БОБКОВА,
кандидат исторических наук Е.Д. БРАУН

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: ИВИ
РАН **2021** : Социальные категории и их интерпретация на языке метафор /
[гл. ред. А.О. Чубарьян ; отв. ред. О.Е. Кошелева, А.Б. Герштейн]. – 2021.
– 000 с. –

ISSN 1607-6184

Очередной выпуск альманаха «Одиссей» («Социальные категории и их интерпретация на языке метафор») посвящен анализу представлений о принципах и формах социальной стратификации в разных культурах. На огромном историческом материале, относящимся к разным эпохам (от Средневековья до раннего Нового времени) и регионам, на примере разнообразных источников – от морально-дидактических и политических трактатов до памятников искусства – авторы обсуждают следующие вопросы: как функционировало социальное воображение в традиционном обществе, как люди описывали тогда устройство современного им общества, по каким принципам вычленили социальные категории и какие мыслительные практики для этого использовали. В других разделах выпуска публикуются статьи и исследования по античной истории и истории крестовых походов. Раздел рецензии представлен критическим этюдом А.Б. Герштейн о новой книге М.Р. Майзульса «Между Христом и Антихристом. «Поклонение волхвов» Иеронима Босха».

Для специалистов по гуманитарным наукам и широкой читательской аудитории.

© Коллектив авторов, 2021

© Кошелева О.Е. Герштейн А.Б., отв. ред.
выпуска, 2021

© Институт всеобщей истории РАН, 2021

М. А. Ведешкин

ОТ «ГРЕЧИШКИ» ДО «МОЛНИИ»: О МНОГИХ ПРОЗВИЩАХ ИМПЕРАТОРА ЮЛИАНА

DOI: 10.32608/1607-6184-2021-29-1-177-200

Аннотация: В статье рассматриваются прозвища августа Флавия Клавдия Юлиана. Анализ ономастической традиции дает возможность не только оценить восприятие тех или иных аспектов деятельности императора различными слоями позднеримского общества на разных этапах его политической карьеры, но и проследить метаморфозы образа последнего открытого язычника на престоле Римской империи в последующей традиции.

Ключевые слова: Поздняя Античность, поздняя Римская империя, Юлиан Отступник, имагология, ономастика, прозвища.

Keywords: Late Antiquity, Late Roman Empire, Julian the Apostate, imagology, onomastics, nicknames.

Если ты думаешь, что с бородой вырастает ученость,
То бородатый козел есть настоящий Платон
AP. XI. 430 (прписывается Палладу Александрийскому)

Расти борода, расти
Нас некому больше пасти
Б. Гребенищikov

Недолгое правление Флавия Клавдия Юлиана (361–363 гг.) оставило неизгладимый след в памяти его современников и последующих поколений. Его непривычная для позднеримского императора внешность, эксцентричное поведение и противоречивая политика сделали его объектом насмешек, ненависти, восхищения и обожания при жизни, а также проклятий и поклонения после смерти. При такой полярности мнений о личности и деятельности Юлиана его образ превратился в оселок для определения социально-политических и религиозных воззрений авторов, так или иначе упоминавших последнего открытого язычника на троне Римской державы. В этом отношении особый интерес представляет до сих пор специально не рассматривавшаяся в литературе проблема прозвищ, которыми награждали Юлиана его подданные. Анализ ономастической традиции дает возможность не

только оценить восприятие тех или иных аспектов деятельности императора различными слоями позднеримского общества, но и проследить метаморфозы образа августа в последующей традиции.

ГРЕЧЕСКИЙ ЦЕЗАРЬ

Описывая Юлиана, один из светочей греческой словесности своего века Либаний не без гордости отмечал, что его повелитель не только властвовал над эллинами, но и сам был эллином (Lib. Or. XV. 25). Антиохийского ратора едва ли можно обвинить в том, что он принимал желаемое за действительное – в отличие от большинства своих предшественников на троне Римской империи Юлиан искренне считал себя эллином¹ и почитал греческий своим родным языком. Впоследствии лично знавший императора историк Евтропий отмечал, что август владел языком восточных провинций несравнимо лучше, чем латинским (Eutrop. X. 16), а великолепно знавший латынь грек Аммиан² признавал, что уровень императора был лишь «достаточным» (*sufficiens* – Amm. XVI.5.7)³.

Любовь Юлиана ко всему греческому, вполне незаметная в бытность его частным лицом, сослужила молодому человеку дурную службу после того, как он был провозглашен цезарем Запада. Сформулированное еще в трудах римских патриотов III–I вв. до н.э. презрение к современным им грекам, которых они почитали изнеженным и никчемным народом философствующих педантов и жеманных болтунов – «гречишками» (*graeculi*)⁴, благополучно дошло и до эпохи поздней Античности⁵. Поставленные под начало молодого цезаря солдаты галльских легионов не замедлили вспомнить вековые предрассудки по отношению к грекам и их почитателям-филэллинам, едва Юлиан дал

---

¹ «Я, хотя мой род и происходит из Фракии, по обычаям своим эллин» (*ἐμαυτὸν δέ, εἰ καὶ γένος ἐστὶ μοι Θράκιον, Ἑλληνα τοῖς ἐπιτηδεύμασιν* – Jul. Misopog. 367). Ср. Jul. Misopog. 348d.

² О знании латыни Аммианом Марцелином, См.: *Fornara*. 1992: 420–438; *Barnes*. 2013: 67–79.

³ Либаний, заявлял, что его герой в совершенстве владел обоими языками (Lib. Or. XII.92. Ср. XVIII.21). Впрочем, сам антиохийский ритор не знал латыни и, следовательно, не был способен адекватно оценить уровень императора. См.: *Liebeschuetz*. 1972: 247–249; *Cribiore*. 2007: 208–210. О том, насколько хорошо Юлиан владел латынью, см.: подробнее: *Thompson*. 1950: 51–53; *Bouffartigue*. 1992: 408–412; *Sánchez-Ostiz*. 2007: 293–308; *Rochette*. 2010: 456–478.

⁴ Об отношении римлян к грекам, См.: *Petrocheilos*. 1974; *Isaac*. 2006: 381–405.

⁵ Свидетельства о сохранении старых предрассудков относительно греков в III–VI н.э., См.: в *Isaac*. 2006: 401–403.

им повод для недовольства. Согласно сообщению Аммиана Марцеллина, в 358 г., во время очередной кампании против алеманов, столкнувшиеся с угрозой голода воины начали роптать и хулить Юлиана, именуя его «азиатом (*Asianum*)⁶, гречишкой (*Graeculum*)⁷, обманщиком (*fallacem*), дураком в обличье мудреца (*specie sapientiae stolidum*)» (Amm. XVII.9.3). Схожие клички в те годы ему присваивали и стремившиеся унизить цезаря в глазах его двоюродного брата приближенные Констанция II. При дворе августа Юлиана поносили как «греческого учителяшку (*litterionem Graecum*) ...ленивого, трусливого, предпочитающего домашний уют, разукрашивающего цветистыми словами свои неудачные предприятия» (*segnem... timidum et umbratilem gestaque secus verbis comptioribus exornantem* – Amm. XVII.11.1).

НЕЦАРСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТОР

Еще одним недостатком Юлиана, с точки зрения современников, была его недостаточно презентабельная внешность и неприлично простая для члена императорской коллегии манера держать себя на людях. За несколько месяцев до провозглашения Юлиана цезарем ему случилось пообщаться с будущим константинопольским архиереем Григорием Назианзином, оставившим несомненно недоброжелательный, но психологически верный словесный портрет императора: «...взгляд бегающий, наглый и безумный⁸, ...черты лица смешные и то же выражающие, смех громкий и неумеренный, ...речь медленная и прерывистая, вопросы беспорядочные и несвязные, ответы ничем не лучше, смешиваемые один с другим, нетвердые, не подчиненные правилам» (*ὄφθαλμὸς σοβοῦμενος καὶ περιφερόμενος, καὶ μανικὸν βλέπων... προσώπου σχηματισμοὶ καταγέλαστοι τὸ αὐτὸ φέροντες, γέλωτες ἀκρατεῖς τε καὶ βρασματώδεις... λόγος ἰστάμενος καὶ κοπτόμενος πνεύματι, ἐρωτήσεις ἄτακτοι καὶ ἀσύνετοι, ἀποκρίσεις οὐδὲν τούτων ἀμείνουσ, ἀλλήλαις ἐπεμβαίνουσαι καὶ οὐκ εὐσταθεῖς, οὐδὲ τάξει προϊοῦσαι παιδείσεως* – Greg. Naz. Or. V.23). Более позднее (и гораздо более теплое) описание облика и манер императора, вышедшее из-под пера Аммиана Марцеллина,

⁶ Азиатских греков римляне ставили еще ниже их балканских соплеменников. См.: Сис. Флас. 62–66; Quint. Rhet. XII.10.16.

⁷ Ср. с известиями псевдо Аврелия Виктора и SHA о прозвище филлэлина Адриана (Erit. De Caes. XIV.2; SHA.I.1.5).

⁸ Ср. с упоминанием «горящих», «сверкающих» глаз Юлиана у Аммиана и Мартина (Amm. XXV.4.22; Pan. Lat. III(XI).6.4).

во многом повторяло написанное его христианским современником. В частности, историк отмечал, что Юлиан был легкомысленным и нервным, его «речь была чересчур раскована и редко смолкала» (*linguae fusioris et admodum raro silentis* – Amm. XXV.4.16 – 17).

Порфира цезаря, и венец августа не сильно изменили *modus operandi* Юлиана, который во многом оставался тем же беспокойным и говорливым молодым человеком, что и в годы своего ученичества в философских школах Азии и Ахайи. В отличие от своих предшественников он не очень-то следовал устоявшемуся протоколу и часто шокировал приближенных непосредственностью своего поведения⁹. Сравнительно демократичные манеры нового августа¹⁰, его подчеркнутое уважение к отжившим республиканским традициям¹¹, которые должны были бы напоминать о временах царствования Адриана и Марка, были совершенно непонятны гражданам империи, привыкшим к величаво-державному образу государей конца III – первой половины IV вв.¹². Достаточно прибавить к этому малый рост Юлиана¹³ и его наро-

---

⁹ См.: Amm. XXII.7.1; 3; Soc. III.1; Lib. I.129.

¹⁰ См.: Lib. Or. XVIII.189–191.

¹¹ См.: Amm. XX.7.1–2. О «демократичной» манере и политическом идеале Юлиана, См.: *Dvornik*. 1955: 71–81; *Dvornik*. 1966: 659–672; *Athanassiadi*. 1992: 112–113.

¹² Искусством создания «правильного» императорского образа в совершенстве овладел предшественник Юлиана – Констанций II. Вспоминая о его торжественном въезде в Рим, Аммиан Марцеллин отмечал, что «приветственные выкрики его императорского имени и отдававшиеся звуки рогов оставляли его невозмутимым, и он выказывал себя таким же величавым, каким видели его в провинциях. Будучи очень маленького роста, он наклонялся, однако при въезде в высокие ворота, устремлял свой взор вперед, как будто его шея была неподвижна, и, как статуя, не поворачивал лица ни направо, ни налево; он не подавался вперед при толчке колеса, не сплевывал, не обтирал рта, не сморкался и не делал никаких движений рукой. Хотя это было для него привычными манерами, но как это, так и кое-что другое из его личной жизни являлось показателем большой выдержки, на которую, как можно думать, только он был способен» (*Augustus itaque faustis vocibus appellatus minime vocum lituorumque intonante fragore cohorrui, talem se tamque immobilem, qualis in provinciis suis visebatur, ostendens. Nam et corpus perhumile curvabat portas ingrediens celsas, et velut collo munito rectam aciem luminum tendens nec dextra vultum nec laeva flectebat tamquam figmentum hominis: non cum rota conculceret nutans, nec spuens aut os aut nasum tergens vel fricans, manumve agitans visus est umquam. Quae licet adfectabat, erant tamen haec et alia quaedam in ceteriore vita patientiae non mediocris indicia, ut existimari dabatur, uni illi concessae* – Amm. XVI.10.9–10, пер. Ю. Кулаковского; А. Сонни). Об образе императора и традициях императорской саморепрезентации в поздней Античности, См.: *Matthews*. 1989: 231–237; *Hunt D. et al.* 2008: 142–146; с библиографией на P. 146, n. 43.

¹³ См.: Amm. XXV.4.22; *Epit. De Caes.* 43.

читое пренебрежение к своему внешнему виду¹⁴, чтобы понять, что временами этот нервный, растрепанный и болтливый император производил странное, а подчас даже комичное впечатление.

Несоответствие высокого сана Юлиана и его манеры держать себя на людях не скрылось от глаз не упускавших повода уязвить цезаря придворных Констанция II и славившихся своей глумливостью антиохийцев (которые, стоит признать, имели веские основания недолюбливать Юлиана)¹⁵. Аммиан вспоминал, что окружение августа именовало цезаря «болтливым кротом (*loquacem talpam*), обезьяной в пурпуре (*purpuratam simiam*)» (Амм. XVII.11.1), а жители столицы Сирии «называли его в насмешку кекропом, коротышкой, который... ходит огромными шагами, как будто он брат Ота и Эфиальта, которым Гомер приписывает огромный рост» (*ridebatur enim ut Cercops, homo brevis..., grandiaque incedens tamquam Oti frater et Ephialtis, quorum proceritatem Homerus in immensum tollit* – ibid. XXII.14.3

БОРОДАТЫЙ КОЗЕЛ

Более всего во внешности Юлиана его подданным запомнилась борода. К моменту его вступления на престол столь характерная для эпохи Антонинов мода на окладистые бороды уже давно ушла в прошлое. Даже в конце III – начале IV столетия римские императоры, позволяли себе носить лишь короткие бородки по армейской моде. Константин и его наследники и вовсе отказались от ношения бород.

Еще будучи учеником афинских школ, Юлиан пренебрег традициями своего века и начал отращивать длинную, «философскую» бороду. Впрочем, перед тем как Юлиана провозгласили цезарем с неодобренной протоколом растительностью на лице пришлось расстаться (Jul. Ep. ad Ath. 274d). На отчеканенных в 355–360 гг. монетах младший соправитель императора Констанция II, как и прочие представители династии изображался гладко выбритым молодым человеком (Илл. 1).

¹⁴ См.: литературный автопортрет, выведенный Юлианом в «Мисопогоне» (Jul. Misopog. 338–339). Можно предположить, что император несколько преувеличивал собственную запущенность и непривлекательность для достижения желаемого риторического эффекта.

¹⁵ О конфликте августа с жителями Антиохии на Оронте, писали едва ли не все исследователи, так или иначе рассматривавшие биографию Юлиана или судьбы столицы Сирии в поздней Античности. Позволим себе ограничиться упоминанием лишь некоторых работ: *Petit*. 1955: 105–122; *Downey*. 1961: 380–396; *Bowersock*. 1978: 94–105; *Pack*. 1986: 77–86; *Matthews*. 1989: 409–414; *Hunt et al.* 2008: 67–73.

Courtesy: Numismatica Ars Classica

Илл. 1. Юлиан Цезарь

Тем не менее, уже к 357–358 гг. пропагандируемый образ цезаря мало соответствовал его истинному обличью. Юлиан вновь отпустил бороду¹⁶. О скандальном отказе молодого человека от утвержденного династического имиджа довольно быстро узнали при Медиоланском дворе. Постепенно нараставшее раздражение Констанция II успехами и популярностью соправителя превратило цезаря в излюбленный объект для насмешек придворных острословов. Вновь отрастив бороду, Юлиан сыграл на руку окружению августа, которое уже в 358 г. именовали цезаря «опостылевшим своими победами козлом» (*In odium venit cum victoriis suis capella* – Аммиан. XVII.11.1).

Courtesy: Classical Numismatic Group, Inc.

Илл. 2. Юлиан Август

¹⁶ Г. Боуэрсок полагал, что Юлиан начал вновь отращивать бороду лишь окончательно порвав с Констанцием (Bowersock. 1978: 60–61.), что противоречит свидетельству Аммиана. См.: ниже.

После того как Юлиан стал единовластным правителем Римской державы, монеты и статуи нового августа сделали его внешность знакомой всем подданным. Несмотря на то, что придворные панегиристы и представители консервативной интеллигенции с восторгом приняли «бородатость» молодого государя¹⁷, большая часть населения скептически восприняла новый образ власти. Так, константинопольский киник Ираклий, понадеявшись на то, что принадлежность к школе Диогена дает ему право на панибратское отношение к императору-философу, осмелился назвать августа Паном, очевидно намекая при этом на бороду императора (Jul. Or. VII. 234c-d). С. Эльм выдвинула предположение о возможном «втором дне» этой аллюзии. Неразделенная любовь Пана к неуловимой нимфе Эхо принесла ему сомнительную славу первооткрывателя мастурбации. В этом отношении сравнение козлоногого бога с овдовевшим и упорно отказывавшимся от второго брака (и вообще любых сексуальных контактов) Юлианом должно было быть еще более оскорбительным для слуха августа¹⁸. Император не оценил подобной фамильярности и ответил Ираклию двумя речами, в которой высмеял самого философа, его взгляды и погути походить на основателей кинической школы¹⁹.

Особенно едко критиковали бороду Юлиана славившиеся своей способностью подмечать необычные элементы в облике государей антиохийцы²⁰. Жители столицы Сирии заявляли, что борода делает императора похожим на козла и что из нее де можно верёвки вить (Amm. XXII.14.3; Jul. Misopog. 339a; Soc. III.17; Soz. V.19; Zon. XIII.12.64). На оскорбления Юлиан ответил написанием сатирического трактата «Мисопогон», в котором он притворно «упрекал» себя за неряшливость и дикость, а также «хвалил» антиохийцев за изнеженность и лень. Это странное для наших современников произведение, ранее почитавшееся свидетельством якобы прогрессировавшей душевной болезни императора²¹, в последнее время рассматривается как выдающийся пример античной сатиры²².

---

¹⁷ См.: например: Lib. Ep. 43N (739F).

¹⁸ См.: Elm. 2012: 109–110. О сексуальной абстиненции Юлиана, См.: Lib. Or. XVIII.179; Amm. XXV.4.3.

¹⁹ См.: Jul. Or. VI–VII; Lib. Or. XVII.16. О литературной полемике Юлиана с киником Ираклием, См.: Smith. 1995: 49–90; Marcone. 2012: 239–250; Elm. 2012: 108–118; Liebeschuetz. 2015: 329–333.

²⁰ См.: Gleason. 1986: 113.

²¹ См.: Bouffartigue. 1989: 534–538; Van Hoof, Nuffelen. 2011: 167, n. 2.

²² См.: Gleason. 1986: 106–119; Brown. 1992: 59.

«Козлобородость» императора обыграл в своих поэтических инвективах и Ефрем Сирийский. Внешний вид императора позволил сирийскому экзегету не только преподнести своим читателям мысль о том, что над ними царствовал «бородатый козел» («Онем сей козлище купно и жрец являешся. // Сих ради яко назорей браду зело длинну расти // Кланяся долу, да дым скверный сквозе ю возможет проити» – Ephr. C. Jul. II.5)²³ («Одновременно этот козлище еще и жрецом являлся, поэтому как назорей растил очень длинную бороду» – перевод на совр. рус. яз. – прим. ред.) но и вставить в свое сочинение довольно прозрачную аллюзию на Книгу пророка Даниила, в которой упоминался «козел косматый – царь Греции» (Дан. 8.21)²⁴, а также уподобить нового «козла» Юлиана ветхозаветному козлу отпущения, которого демоны заманили на закланье в Персию: «Тьмы Шуего предсказания козла побудили // В Персеиду теши, тамо же в жертву его приносили» (Ephr. C. Jul. II.9) («Полчища дьявольские указанного козла побудили бежать в Персию, там же в жертву его принесли» – перевод на совр. рус. яз. – прим. ред.). Говоря о гибели Юлиана в Персии, Ефрем писал: «Царь, царь греческий Бога прогневи, Даниила отречеся // Близ Вавилона судим бысть, тамо же и осуждеся» (Ephr. C. Jul. I.20)²⁵ («Царь, царь греческий Бога прогневил, от Даниила отречеся, около Вавилона был судим, там же и осужден» – перевод на совр. рус. яз. – прим. ред.).

«САМЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ ИЗ ЦАРЕЙ»

Юлиан отращивал волосы на подбородке вовсе не для того, чтобы его подданные сравнивали его с мелким рогатым скотом. Для человека, чьим кумиром был Марк Аврелий²⁶, борода являлась символом принадлежности к греческой культурной, в особенности философской, традиции. После возвращения из первой ссылки в Каппадокию Юлиан сначала учился в Константинополе под руководством ри-

---

²³ Мар Афрем Нисибинский (прп. Ефрем Сирийский). Юлиановский цикл / Предисл., пер. с сир., комм. и указ. А. В. Муравьев; научн. ред. Д. А. Поспелов. М., 2006. □

²⁴ Об использовании Ефремом Сирином мотивов из книги Даниила, см. *Griffith*. 1987: 250–251.

²⁵ Ср. Ephr. C. Jul. II.18.

²⁶ Об отношении Юлиана к императору Марку, См.: Jul. Ep. ad Them. 253a; Caes. 312a–b; 333; Amm. XVI.1.4; XXII.5.4; XXV.4.17; Eutrop. X.16.3. См. также: *Lacombrade*. 1967: 9–22; *Gleason*. 1986: 117–118; *Kelly*. 2005: 409–416; *Varner*. 2012: 197.

тора Экеболия²⁷ и философа Фемистия²⁸, затем в Никомедии²⁹ и, наконец, в Пергаме и Эфесе, где неоплатоники из школы Эдесия приобщили молодого человека к мудрости Платона и Аристотеля³⁰. В 355 г. Юлиану было позволено продолжить образование в Афинах, где его наставниками с высокой долей вероятности были софист Гимерий и «царь красноречия» Прозерсий³¹. Тогда же молодой человек познакомился с философом Приском Эпирским³². Несмотря на то, что будущий император по большей части учился урывками, его жажда знаний и целеустремленность принесли свои плоды – еще в юности он удивлял окружающих своим красноречием и широкой эрудицией³³. Годы, проведенные в школах Греции и Малой Азии, сделали его одним из самых образованных людей, когда-либо занимавших престол

²⁷ О нем, См.: Soc. III.1; 13; Lib. Or. XVIII.12; 14; Jones, Martindale, Morris. 1971: 409 (Hecebolius); Janiszewski, Stebnicka, Szabat. 2014: 156-157(445. Hekebolios).

²⁸ Факт обучения Юлиана у Фемистия является дискуссионным. Несмотря на то, что император в письме к последнему прямо упоминает о своем ученичестве у константинопольского философа (Jul. Ep. ad Them. 257; 259), ряд авторов продолжает отрицать ценность данного свидетельства. См.: напр. Prato, Fomaro. 1984: 47; Bouffartigue. 1992: 22; 299–300. Большинство исследователей признает, что Юлиан все же брал уроки у Фемистия. См.: Daly. 1980: 2–3; Bradbury. 1987: 236; Brauch. 1993a: 37–78; Smith. 1995: 27; Vanderspoel. 1995: 118; Henck. 2001: 175; Heather, Moncur. 2001: 139; Ведеукин. 2017: 20–28.

²⁹ В этом городе Юлиан изучал риторику по лекциям Либания (Lib. Or. XVIII.13; Soc. III.1; 23).

³⁰ О школе Эдесия и ее преподавателях, См.: Ведеукин. 2019: 13–59. Об обучении Юлиана в городах Малой Азии, См.: также Bowersock. 1978: 42–45; Matthews. 1989: 115–129; Athanassiadi. 1992: 30–41; Bouffartigue. 1992: 42–45; Elm. 2012: 90–91.

³¹ Eunap. V. Soph. 493. Следует отметить, что, несмотря на то что некоторые исследователи отмечают ученичество Юлиана у Гимерия и Прозересия, как нечто само собой разумеющееся (Athanassiadi. 1992: 47–48; Elm. 2012: 69.), однозначных указаний на то, что будущий август учился у этих риторов нет. Иные исследователи высказываются об этом с большей осторожностью. См.: напр.: Barnes. 1987: 212; Tougher. 2007: 18; 30; Baker-Brian., Tougher. 2012: XV.).

³² В своей переписке Юлиан отмечал, что не имеет полного права именоваться учеником Приска (Jul. Ep. 2W(6F)). Вероятно, Юлиану не довелось лично слушать лекций воспитанника Эдесия. Однако посвященные Аристотелю труды афинского философа, несомненно, произвели на Юлиана сильное впечатление. В своем письме к Приску будущий император отмечал, что, прочитав это произведение, он стал не «тирсоносцем», но «вакхантом» аристотелева учения (Ibid.), то есть из ученика превратился в посвященного. О Приске, См.: подробнее Goulet. 2012: 33–77.

³³ См.: например: Nim. Fr. 1.6; Lib. Or. XVIII.12; 21; Amm. XV.7.10; Eunap. V. Soph. 473–474; Soc. III.1; Soz. V.2.

Римской империи³⁴.

Император гордился собственным «любомудрием» и пытался преподнести свое царствование как «философское» при помощи доступных ему средств государственной пропаганды: изображений на монетах, статуй, речей панегиристов и собственных сочинений³⁵. Следует признать, что Юлиану удалось убедить немалую часть своих подданных в том, что он на деле является «царем-философом». Согласно сообщению Евтропия, Юлиан «был искусен и велик в красноречии, обладал прекрасной памятью и в некоторых вещах больше походил на философа» (*facundia ingenti et prompta, memoriae tenacissimae, in quibusdam philosopho propior* – Eutrop. X.16). Либаний вспоминал о своем императоре как о человеке, «который больше всякого философа возлюбил во дворце мудрость» (*ὁ παντὸς φιλοσόφου μᾶλλον ἐν βασιλείοις τὴν σοφίαν ἀγαπήσας* – Lib. Or. I.118). В надписи, высеченной в честь Юлиана по решению членов буле карийского Ясоса, императора называли «царствующим при помощи философии» (*τὸν ἐκ φιλοσοφίας βασιλεύοντα*)³⁶, в эфесской надписи – «достоchtigим принципсом философии» (*philosophiae principi venerando*)³⁷, а в надписи, найденной недалеко от Пергама, – «наставником философии» (*filosofi[ae] magistro*)³⁸.

Примечательно, что «философом» Юлиана называли не только его языческие сторонники и стремившиеся польстить правителю представители провинциальных элит и чиновничества – немалое количество оппонентов императора также признавали, что противник новой веры был в некотором смысле «философом» и, в целом, человеком образованным. Впрочем, христианские авторы либо отмечали, что Юлиан был «неправильным» философом³⁹, упоминали о его научных штудиях с откровенной издевкой⁴⁰, либо воспринимали «любомудрие» не как достоинство, но как недостаток императора⁴¹. Так, Григорий Назианзин заявлял, что Юлиан отличался «немудрой, так сказать,

³⁴ Вопрос о том, можно ли считать Юлиана оригинальным философом неоднократно поднимался в современной историографии. Краткий обзор мнений и аргументов, См.: в *Elm.* 2012: 109, п. 84.

³⁵ См.: Ruiz. 2018: 204–233.

³⁶ Diehl, Cousin. 1889: 35.

³⁷ LSA 748.

³⁸ LSA 517.

³⁹ См.: например, Soc. III.1; 19; VII.22(= John. Ant. VII.22 ed. Mariev).

⁴⁰ См.: Greg. Naz. IV. 91.

⁴¹ Greg. Naz. Or. IV.43–46.

мудростью» (Greg. Naz. IV.2), был «человеком, мудрым на злое» (ibid. 57), ложным «царем-философом», который вел себя не кротко и снисходительно, но спесиво и бесчеловечно (ibid. 91), мнимым «мудрецом», неспособным отличить опрометчивость от смелости (ibid. V.8), «философом», который вел себя не так, как пристало философу (ibid. 21), гонителем и тираном, который лишь прикидывался «превосходным и мудрым мужем» (ibid. 39). Григорию вторил Сократ Схоластик, который изъяснял притворное недоумение от того, что человек, которого все называли «философом», решился поднять мятеж и развязать гражданскую войну, грозившую великими бедствиями римской державе (Soc. III.1). По мнению историка, будь Юлиан истинным философом, он не стал бы преследовать христиан (ibid. III.19) и наказывать своих обидчиков (ibid. VII.22). Схожего мнения о любомудрствовавшем императоре придерживался и его бывший наставник – языческий философ Фемистий, чьи отношения с августейшим учеником нельзя было назвать ни простыми, ни особенно сердечными⁴². В своей речи,

---

⁴² Несмотря на уважение, которое Юлиан испытывал к своему учителю (См.: Jul. Ep. ad Them. 260. Them. Or. XXXI.354), их отношения едва ли можно было назвать дружественными. Непреодолимой преградой между Фемистием и его учеником являлось вполне лояльное отношение константинопольского философа к ненавистному Юлиану императору Констанцию II. Еще одним фактором, определившим напряженность отношений между Юлианом и Фемистием, станет коренное противоречие в оценке современных им философских школ. Фемистий принадлежал к числу комментаторов-традиционалистов, отрицавших распространенные в IV столетии мистические интерпретации наследия классических авторов и критически относившихся к популярности неоплатонической школы Ямвлиха Халкидского, с ее чрезмерным почтением к пифагорейству, халдейским оракулам и теургии (См.: Them. Or. XXIII.295; *Penella*. 1999: 122, n. 25). Его экзальтированный ученик, напротив, предпочитал пафос теургического богопознания аналитической традиции. См., например, Jul. Or. V. 162b. Эти противоречия, в итоге, привели к тому, что после вступления Юлиана на престол Фемистий не был вхож в ближайшее окружение императора. Об отношениях Фемистия и Юлиана См.: *Daly*. 1982: 1–11; *Vanderspoel*. 1995: 125–134; *Heather, Moncur*. 2001: 138ff; *Elm*. 2012: 87ff. Следует отметить, что согласно данным Свиды, при Юлиане Фемистий занимал пост префекта Константинополя (Suda. Theta, 122). На это же намекает и сохранившийся арабский текст послания Фемистия к Юлиану (т. н. *Risāla*), переводчик которого Ибн Зура в заглавии обозначал Фемистия, как «визиря» Юлиана (*Vanderspoel*. 1982: 241). Эти свидетельства позволили некоторым исследователям утверждать, что Фемистий был близок к Юлиану, пользовался его расположением и действительно занимал пост префекта Константинополя в конце 361 – начале 362 г. См.: *Brauch*. 1993a: 37–78; *Brauch*. 1993b: 79–115; *Swain*. 2013: 83–87. По той причине, что ни один из современников (в том числе и сам Фемистий (см. в

произнесенной в честь императора Валента в 366 г., он именовал Юлиана правителем, «отрастившим [философскую] бороду и выставившим себя самым философским из царей» (*ὁ τὸν πάργωνα καθεμιένος καὶ τοῦ φιλοσοφώτατος τῶν βασιλέων ἀντιποιοῦμενος* – Them. Or. VII.99d), но на деле пренебрегавшим истинной философией⁴³.

«APOSTATA ET CHRISTIANI NOMINI HOSTIS»

Ни повадки, ни внешность, ни даже образованность императора не взбудоражили римское общество так сильно, как известия о том, что их государь отверг новую веру и обратился к почитанию древних богов. Юлиан родился в христианской семье⁴⁴ и первые двадцать лет своей жизни был верным сыном Церкви⁴⁵. Переворот в душе юноши произошел в 351 г.⁴⁶, когда тот встретился с неоплатоником и теургом Максимом Эфесским и стал его учеником. Под влиянием наставника молодой человек обратился к почитанию древних богов и был посвящен в языческие мистерии⁴⁷. Последующие десять лет Юлиан был

особенности Them. Or. XXXIV) не упоминал о том, что он занимал какой-либо пост при Юлиане, данная точка зрения остается маргинальной.

⁴³ См.: Jones. 2010: 503–505; Swain. 2013: 65–67.

⁴⁴ Никаких сведений о религиозных убеждениях отца Юлиана – Юлия Констанция не сохранилось, но мы можем с уверенностью утверждать, что младший брат императора Константина I должен был вольно или невольно следовать религиозному курсу своего государя. Мать Юлиана – Базилина была благочестивой христианкой, завещавшей часть своего имущества Церкви. См.: Jones, Martindale, Morris. 1971: 148 (Basilina).

⁴⁵ После убийства отца Юлиана его воспитанием заведовал его родственник, видный участник тринитарных споров первой половины IV столетия – епископ Евсевий Никомедийский (Amm. XXII.9.4), а после его смерти и ссылки Юлиана в Маккелум – целый штат христианских педагогов, возглавляемый будущим епископом Александрии Георгием, следившим за тем, чтобы родственник августа вырос твердым христианином (Eunap. V. Soph. 473). Ср. Jul. Ep. 21W(F29); также Greg. Naz. IV.97; Soc. III.1; Soz. V.2; Theod. HE. III.2.

⁴⁶ Несмотря на то, что Аммиан Марцеллин сообщал о том, что Юлиан с молодых ногтей имел предрасположенность к язычеству (Amm. XXII.5.1), сам император в написанном осенью 362 г. послании к александрийцам утверждал, что с его обращения минуло немногим более одиннадцати лет (Jul. Ep. 47W(55F)).

⁴⁷ Очевидно, именно благодаря этому знакомству Юлиан окончательно порвал с христианством и обратился к почитанию древних богов. Его переписка с Максимом свидетельствует о величайшем почтении, которое испытывал император к своему бывшему учителю. Император воспринимал философа как духовного отца (см. Jul. Ep. 8W(13F); W12; W59) а после вступления на престол призвал Максима ко двору и окружил его высочайшими (а по мнению ряда современников даже чрезмерными) почестями. О влиянии Максима на Юлиана и его положении при

вынужден скрывать свои религиозные убеждения, поддерживая ампулу благочестивого христианина⁴⁸. Информация о язычестве Юлиана, долгое время остававшаяся достоянием узкого круга посвященных, стала доступна всем жителям империи лишь в 361 г., когда тот открыто выступил против своего старшего соправителя Констанция II⁴⁹.

Сразу после обретения единоличной власти Юлиан постановил открыть храмы, приносить жертвы и возобновить почитание богов (Amm. XXII.5.2). Представителям провинциальной администрации было приказано в кратчайшие сроки восстановить все разрушенные и разоренные при Констанции святилища древней веры (CTh. XV.1.3)⁵⁰ и вернуть языческим культам ранее отобранное у них имущество и земли⁵¹. Повсеместно учреждались новые алтари, храмы и жертвенники⁵². Восстанавливалась традиционная символика: изображения языческих богов были помещены на монеты и медали, христограмма на войсковых знаменах была заменена на изображения богов и героев (Greg. Naz. Or. IV.66; Soz. V.17).

Кроме того, император ввел ряд ограничений для христиан⁵³ и

дворе Отступника, См.: Eunap. V. Soph. 476-478; Amm. XXII.7.3; XXIX.1.42; Lib. Or. XII.34; XIII.12; XIV.32; XVIII. 155-156; Soc. III.1; Soz. V.2.

⁴⁸ Amm. XXI.2.3-4; XXII.5.1; Theod. HE. III.3. Согласно данным церковных историков V в., желая отвести от себя подозрения в симпатиях к язычеству, Юлиан начал вести «монашескую жизнь» и даже вступил в ряды чтецов Никомедийской церкви (Soc. III.1; Soz. V. 2). Став цезарем, он продолжал прикидываться ревностным христианином и верным проводником церковной политики Констанция II. К примеру, Юлиан (впрочем, без особого энтузиазма) приложил руку к ссылке одного из лидеров западных никейцев Илария Пиктавийского (См.: Borchardt. 1966: 28-31; Smulders. 2015: 131). Впрочем, младшему члену императорской коллегии удавалось поддерживать сравнительно добрые отношения даже с представителями гонимых направлений в христианстве. Тот же Иларий называл Юлиана «*dominus meus religiosus... Julianus*» (Hil. Lib. Ad. Const. 2). Судя по всему, последней публичной акцией Юлиана в роли последователя новой веры стало посещение христианской церкви на праздник богоявления 361 г. (Amm. XXI.2.5).

⁴⁹ См.: Jul. Ep. 8W(13F); Ep. ad Ath. 280d; Amm. XXII.5.1; Lib. Or. XVIII, 126; Soc. III.1; Soz. V.3.

⁵⁰ Например, по данным Зонары, был восстановлен знаменитый храм Асклепия в Эгине (Zon. XIII.12.63). О восстановлении храма в Бостре См.: ILS. 9465.

⁵¹ См.: CTh.V.13.3; X.1.8.

⁵² О строительстве алтарей в Константинополе См.: Nim. Or. XLI.8. О заложении нового алтаря в Фессалониках См.: AE 1983. 895.

⁵³ Последователям новой веры запрещалось занимать посты в провинциальной администрации (Ruf. HE. I.32; Soc. III.13; Soz. V.18), и служить в гвардейских частях (Soc. III. 13). Стремясь предотвратить распространение христианства в образованных слоях римского общества, Юлиан лишил христиан права практиковать

лишил Церковь всех привилегий, дарованных ей предыдущими монархами⁵⁴. Христиане весьма болезненно восприняли изменение статуса их религии, в одночасье превратившейся из привилегированного культа в едва терпимую секту. Вину за случившееся они вполне естественно возлагали на государя, предавшего, с их точки зрения, и Церковь, и самого Бога. Мнение значительной части клира о политике августа вскоре после его смерти⁵⁵ высказал его однокашник Григорий Назианзин. В своих гомилиях против императора богослов обрушил на августа град библейских проклятий, сравнивая того с ветхозаветным «змием», называя «ассирийцем», «общим врагом» (Or. IV.1), человеком, соединившем в себе преступления «Иероваама», «Ахава», «фараона» и «Навуходоносора»⁵⁶ (Or. V.3). Среди этого потока ветхозаветной брани Григорий с особым упорством повторял главное обвинение – вероотступничество августа. Несмотря на то, что христиане, несомненно, обвиняли императора в апостасии еще при его жизни⁵⁷, эпитет «Отступник» по отношению к Юлиану впервые фиксируется именно в речах будущего епископа Константинопольского (Αλοστάτης – Greg. Naz. Or. IV.1; V.17; XVIII.32; XXI.26; XLIII.30). Впоследствии

свободные профессии. Согласно данным Иоанна Златоуста, указом Юлиана христианам было запрещено иметь врачебную практику (John. Chrys. In Juvent. 1). Кроме того, христиане лишались права занимать должности городских грамматиков, риторов и софистов. За христианскими учителями император сохранил лишь право «толковать Матфея и Луку» (Jul. Ep. 36W(33F)). Источники о «школьном эдикте» Юлиана См.: *Ведешкин*. 2018: 210.; историографию вопроса, См.: в *Teitler*. 2017: 172. Кроме того, согласно свидетельству Сократа Схоластика, христиане были также обложены дополнительным налогом, взимавшимся, «с настойчивостью; потому что каждый вносил (деньги) применительно к своему состоянию» (Soz. III. 13). Впрочем, современные Юлиану источники об этом налоге не упоминают.

⁵⁴ Эдиктом от 4 декабря 362 года Юлиан изъял из ведения Церкви городское и общественное имущество, отданное в управление христианским общинам, и все административные и культовые здания, как самовольно захваченные христианами, так и переданные в распоряжение Церкви императорскими указами (CTh. XV.1.8). Христианские общины обязывались возвратить все имущество, дарованное им Константином и Констанцием II (Soz. V. 5), происходившие из куриального сословия клирики были вновь приписаны к куриям (CTh. XII.1.50; XIII.1.4; Jul. Ep. 39W(26F)). Кроме того, они лишились хлебных дач, потеряли судебную власть и право получать имущество по завещанию (Jul. Ep. 41W(57F); Soz. V. 5).

⁵⁵ О времени композиции IV и V гомилии Григория, См.: (*Elm*. 2012: 342, n. 26–27)

⁵⁶ Ср. Greg. Naz. Or. XLII.3.

⁵⁷ Сократ Схоластик и Созомен сохранили впоследствии многократно пересказанный анекдот, о том, что еще в конце 361 – начале 362 г. обвинения в вероотступничестве были брошены в лицо Юлиану епископом Марисом Халкидонским (Soz. III.12; Soz. V. 4).

он превратится в прозвище, ставшее неотъемлемым атрибутом образа последнего открытого язычника на римском престоле.

Немногим позже и, судя по всему, независимо от Григория, именовать Юлиана «Отступником» (*Apostata*) начали и латинские авторы, хорошо знакомые с этим греческим термином еще со времен Тертуллиана⁵⁸. Окончательная трансформация определения «отступник» в устойчивое прозвище пришлось на эпоху Каролингского возрождения, когда интерес к раннехристианской истории вернул императора-язычника на страницы сочинений агиографов, богословов и антикваров. С этого времени в западноевропейской традиции прозвище «Отступник» превратилось в неотъемлемую часть образа императора Юлиана⁵⁹.

Любопытно отметить, что, невзирая на весь авторитет Григория Назианзина, на Востоке это звучное прозвище получило несравнимо меньшее распространение, чем на Западе. Несмотря на то, что некоторые грекоязычные авторы последующих столетий время от времени называли императора «Отступником»⁶⁰, гораздо чаще восточные писатели использовали семантически близкое прозвище – «Преступник, Нарушитель» (*Παραβάτης*), впервые фиксируемое в написанной в 450 г.⁶¹ «Церковной истории» Созомена (Soz. V.4)⁶².

SACRICOLA VEL VICTIMARIUS?

Объектом критики и насмешек являлось не только отступниче-

⁵⁸ *Gathier*. 2001: 129–130. В IV – середине VI в. именование Юлиана «Отступником» регулярно встречается в трудах западных христиан. См.: Optat. Mil. II.16; Amb. Ep. 40.21; Jerom. Chron. 363(367); Aug. C. Litt. Pet. II.90.203; 97.224; C. Gaud. I.12; Ep. c. Parm. I.12; De Civ. V.21; Liber. Brev. 7; Facund. Herm. Pro Trium Cap. IV. 2.

⁵⁹ См.: Bed. Mart. IX Kal, April. (PL 94, col. 865); Paul. Diac. Hom. IV (PL 95, col. 1159); Grimlaic. Presb. Reg. XXXI (PL. 103, col. 620); Rab. Maur. Exp. In Lib. Judith. VII (PL 109, col. 557); In Lib. Machab. I.16 (PL 109; 1213); Walaf. Strab. Eccl. I.2 (PL 114, col. 922); Amul. Lib. C. Jud. XLVIII (PL 116, col. 176).

⁶⁰ См.: например: Soc. V.12.

⁶¹ □ О времени написания труда Созомена, См.: Cameron. 1982: 255–256.

⁶² Дальнейшее использование прозвища «*Παραβάτης*» См.: например: VI в. – Malal. Chron. XIII.326; 327; 337; John. Ant. Chron. fr. 203; 205 (ed. Mariev); Ps. Nonn. Comm. in Serm. IV.43; V. Abercii 66 (ed. Nissen 47.6–14); Pass. Art. 2; 14; 19; 21; 30; 40; 41; 43; Petr. Patr. fr. 18 (ed. Müller); VII в. – Chron. Pasch. 361; 364; XII в. – Zon. Chron. XIII.13; 14; Cedr. Pp. 535.17–536.3; 539; Theod. Scut. Chron. II.85 Kambylis. Впрочем, некоторые греческие авторы попеременно использовали прозвища «*Παραβάτης*» и «*Αποστάτης*». См.: например: V в. – Philost. VII.7; 10; VII. 15; VIII.5; IX в. – Theoph. Chron. AM. 5854; 5853; 5855; 5856; X в. – Sud. I 437.

ство, но и показная религиозность императора, который близко принимал титул великого понтифика к сердцу и всегда стремился дать своим подданным пример благочестия⁶³. Юлиан прилежно посещал храмы, участвовал в религиозных церемониях и лично приносил в жертву огромное количество животных, не чураясь при этом исполнять обязанности храмовых прислужников⁶⁴. Чрезмерное увлечение Юлиана обрядовой стороной языческого культа, вызывавшее не только ассоциации с богобоязненным Марком Аврелием⁶⁵, но и воспоминания о таких хрестоматийно «дурных императорах», как Коммод⁶⁶ и Элагабал⁶⁷, было скорее неприязненно встречено публикой⁶⁸.

Нарочитая набожность августа была не по вкусу многим язычникам, которые полагали, что его действия унижают достоинство императорского звания. Даже восхищавшийся Юлианом Аммиан Марцелин характеризовал его как человека «скорее суеверного, чем точного в исполнении священных обрядов: он без всякой меры приносил в жертву бесчисленное количество скота, и потому бытовало мнение, что ему уже не хватит быков, если он возвратится из Парфии» (*Superstitiosus magis quam sacrorum legitimus observator, innumeras sine parsimonia pecudes mactans, ut aestimaretur (si revertisset de Parthis), boves iam defuturos.* – Аммиан. XXV.4.17)⁶⁹. Менее расположенные к Юлиану подданные выражали свое недовольство еще более открыто. Согласно сведениям того же Аммиана, антиохийцы именовали Юлиана «не жрецом, а виктимарием» (*victimarius pro sacricola dicebatur* – Аммиан. XXII.14.3), то есть храмовым прислужником, обязанности которого обычно исполняли выходцы из низших слоев римского общества⁷⁰. Иоанн Златоуст, который подростком⁷¹ наблюдал пребывание Юлиана в Антиохии, также вспоминал, что многие образованные последователи язычества осуждали излишнюю страсть императора к

---

⁶³ См.: Lib. Or. XV.71; I.121.

⁶⁴ Greg. Naz. V.22; Аммиан. XXII.14.3, Lib. Or. XII.82; XV.114. Об отношении Юлиана к обязанностям жреца и жертвоприношению, См.: *Belayche*. 2001: 457–486.

⁶⁵ См.: Аммиан. XXV.14.17; Dio Cass. Epit. LXXII. 34.2.

⁶⁶ □ Ср. SHA. Comm. V.5.

⁶⁷ Herodian. V.5. 8–9.

⁶⁸ Единственный современником, сочувственно писавшим о том, что август лично приносил жертвы был Либаний. См.: Lib. Or. XV.71; I.121.

⁶⁹ Ср. Аммиан. XXII.14.3; Epit. de Caes. 43.7. О масштабах жертвоприношений при Юлиане, См.: также Lib. Or. XII.87; XIV.69; XVII.9; XXIV.35; Аммиан. XXII.12.7; John. Chrys. In Bab. II.15(80); Prud. Apoth. 460ff; Soc. III.17

⁷⁰ О виктимариях См.: подробнее *Lennon*. 2015: 65–89.

⁷¹ О дате рождения Иоанна Златоуста См.: *Kelly*. 1998: 296–298.

жертвоприношениям, называя его «поваром, мясоторговцем и тому подобными названиями» (*μάγειρον αὐτὸν καὶ κρεῶν κάπηλον καὶ πάντα τὰ τοιαῦτα ἀποκαλεῖν* – John. Chrys. In Bab. II. 19(103)).

Еще больше усердствовали в изобретении обидных кличек для августа его христианские подданные. Согласно сведениям Григория Назианзина, острословы из числа последователей новой веры обзывали Юлиана «Идолианом» (*Εἰδωλιανός*), «Писеем» (*Πισαίος*), «Адоне-ем» (*Ἀδωναίος*) и «Быкожомом» (*Κανσίταυρος*) (Greg. Naz. Or. IV.77). Первое и последнее из этих прозвищ не нуждаются в особом пояснении: с точки зрения восточноримских христиан, Юлиан был «Идолианом» из-за его приверженности идолопоклонству⁷² и «Быкожомом» вследствие массовых жертвоприношений скота⁷³.

Причины, по которым христиане называли императора «Писеем», не столь очевидны. Согласно сохранившимся пс. Нонна, это прозвище следует понимать как указание на то, что император был почитателем Зевса Писейского (знаменитый храм Зевса в Олимпии находился неподалеку от города Писа) (Ps. Nonn. Comm. in Serm. IV.43)⁷⁴. Несмотря на то, что наши источники не сохранили информации о посещении Юлианом Олимпии, известно, что император неоднократно приносил жертвы Громовержцу в других местах, например в расположенном неподалеку от Антиохии храме Зевса на горе Касий (Amm. XXII.14.4; Lib. Or. I.122; XV.72; XVIII. 172; Ep. 43B(739F); Jul. Misopog. 361d).

Именованию августа «Адонеем» допускает несколько интерпретаций. Предположение пс. Нонна о том, что император был особенно предан культу этого божества (Ps. Nonn. Comm. in Serm. IV.43), не находит подтверждения в прочих источниках. Ни один из авторов IV–V вв. не сообщал о том, что император когда-либо приносил жертвы Адонису или же посещал святилища фригийского полубога. Сам Юлиан в своих сочинениях лишь единожды упоминал об Адонисе, причем вне всякого религиозного контекста (Jul. Caes. 329d – 330a)⁷⁵.

⁷² Император был красноречивым апологетом практики поклонения изображениям богов, которые полагал видимыми знаками присутствия божества, поставленными для того, чтобы, внушая верующим мысли о богах «отвращать их от зла» (Jul. Ep. Ad. Sacer. (45). 294). Подробнее, См.: Elm. 2012: 325.

⁷³ □ См.: выше.

⁷⁴ См.: Smith. 2002: 32, n. 72.

⁷⁵ Не так давно А. Лесерф выдвинул предположение, что в теософии Юлиана Адонис выступал в роли «третьего демиурга» (Lecerf. 2012: 186–189.). Вместе с тем представляется сомнительным, что христианские хулители императора столь глубоко считывались в теологические трактаты августа и его учителей-неоплатоников, что смогли уловить эту далеко не очевидную мысль.

Можно предположить, что христиане наградили Юлиана этим прозвищем, усмотрев нечто общее в судьбах мифического юноши и императора. Согласно свидетельству Аммиана Марцеллина, прибытие Юлиана в Антиохию совпало с Адониями – чередой празднеств, в ходе которых жители столицы Востока поминали смерть любимца Афродиты. Как сообщает историк, в том, что торжественный въезд императорского кортежа проходил под скорбные причитания оплакивавших бога язычников, многие усмотрели зловещее предзнаменование (Амм. XXII.9.15). По одной из версий мифа об Адонисе, его убийцей был вепрь, посланный Аресом, приревновавшим к юноше свою любовницу Афродиту, либо же сам бог в зверином обличе⁷⁶. Арес, как известно, часто выступал в качестве аллегии войны⁷⁷. Учитывая последующую судьбу Юлиана, нельзя исключать, что называя императора «Адонеем», христиане намекали на его безвременную кончину во время злосчастного Персидского похода. В этом отношении можно вспомнить и о «конфликте» августа с Аресом. Согласно сообщению Аммиана, когда пожертвовавший девять быков богу войны император получил неблагоприятные предсказания, Юлиан пришел в неистовство и поклялся, что более никогда не будет приносить жертвы Аресу (XXIV.6.16). Что характерно, этот обет сбылся – вскоре после принесение клятвы император был убит.

ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД

В начале весны 363 г. Юлиан выступил из Антиохии и направился на восток. В то время как крупный римский отряд под командованием родича императора Прокопия и комита Себастиана был отослан совершить отвлекающий удар по персидской Ассирии, главная армия Юлиана пересекла границу и начала стремительно наступать в сторону столицы государства Сасанидов. Скорость движения войска Юлиана, с легкостью занимавшего охранявшие среднее течение Евфрата крепости персов, принесла ему еще одно, на этот раз вполне комплиментарное прозвище. Согласно данным Либания, деморализованные наступлением римлян персы прозвали вождя их противников «Молнией» (*Κεραυνός* – Lib. Or. XVIII.305)⁷⁸.

---

⁷⁶ См.: GRM. I. Col. 70

⁷⁷ □ См.: Rike. 1987: 52.

⁷⁸ Об отношении поданных Шапура II к правителю римлян также можно судить по сообщению Либания, упоминавшего о том, что персы изображали Юлиана в виде огнедышащего льва (Or. XXIV.19).

Не встречая серьезного сопротивления, римляне дошли до Ктесифона, где в ожесточенном сражении наголову разбили защищавшее город войско Шапура II. Несмотря на победу, сходу взять мощные фортификации персидской столицы не удалось. После неудачной попытки проникнуть во внутренние области державы Сасанидов Юлиан принял решение начать отступление. Следуя левым берегом Тигра, римляне двинулись по направлению к границам империи. По пути отступавшее воинство подвергалось атакам персидской кавалерии и союзных Шапуру арабов. 26 июня, в ходе одной из стычек с особо крупным вражеским отрядом Юлиан получил смертельную рану. Последние часы жизни император провел, обсуждая высокие качества души со своими придворными философами Максимом и Приском. На рассвете следующего дня август скончался. Новым императором был провозглашен христианский военачальник Иовиан, который немедленно начал переговоры с персами. Ценой уступки значительной части римской Месопотамии затигрских владений империи и отказа от протектората над Арменией преемник Юлиана смог выторговать своему войску беспрепятственный проход домой⁷⁹.

Полгода спустя Иовиан праздновал вступление в свое первое консульство. В речи, которую во время торжеств прочитал Фемистий, новый август предстал в образе спасителя Рима, великого победителя персов (Them. Or. V.66; 71), законного наследника империи Константина и Констанция II, чье вступление на престол было отложено лишь по нелепой прихоти судьбы, ненадолго вверившей империю недостойному власти Юлиану⁸⁰. Восхваляя терпимую религиозную политику нового государя, оратор заявлял, что язычники должны быть более благодарны правителю, установившему незначительные ограничения на отправление традиционных культов⁸¹, чем некоему «не древнему Эмпедоклу» (ibid. 70).

Ж. Дагрон полагал, что под «Эмпедоклом» Фемистий подразумевал Христа⁸². Эта интерпретация вызвала критику ряда исследователей, справедливо отмечавших, что, выступая перед лицом христианского государя, Фемистий едва ли осмелился сравнить с Иисусом фи-

⁷⁹ О персидском походе Юлиана и Нисибисском мире, См.: *Digna, Winter*. 2007: 90–94; *Dodgeon, Lieu*. 1994: 200–206; *Greatrex, Lieu*. 2007: 1–13; *Hunt et al*. 2008: 73–77; 439–442.

⁸⁰ Фемистий довольно прозрачно намекал, что Юлиан был новым Филиппом Арридеем – недостойным наследником великого правителя (Them. Or. V.65b-c).

⁸¹ О религиозной политике Иовиана, См.: *Ведешкин*. 2018: 221–223.

⁸² *Dagron*. 1968: 159–163.

лософа, совершившего самоубийство ради обретения божественного статуса. Более достоверной представляется гипотеза о том, что под «Эмпедоклом» подразумевался Юлиан. Вопрос о причинах, по которым константинопольский ритор уподобил императора сицилийскому мудрецу, все еще не разрешен. По мнению П. Хизера и Д. Монкура, Фемистий использовал этот эпоним, подразумевая схожесть философских и религиозных воззрений Эмпедокла и Юлиана⁸³. С нашей точки зрения, более убедительно выглядит предположение, высказанное Л. Кракко Руджини, согласно которому, говоря об императоре как о «новом Эмпедокле», Фемистий намекал на схожесть смертей августа и древнего философа.

Вскоре после того, как весть о гибели Юлиана дошла до его подданных, обстоятельства этой трагедии начали обрастать слухами и сплетнями. Спорили и о личности убийцы, и о последних часах самого Юлиана⁸⁴. Один из этих слухов передал не упускавший случая опорочить ненавистного противника Церкви Григорий Назианзин. По мнению христианского писателя, смертельно раненый Юлиан якобы приказал своим придворным бросить его тело в Тигр, чтобы, «исчезнув из среды людей», создать впечатление, что он был вознесен и попал в сонм богов (Greg. Naz. Or. V.14). Очевидное тщеславие императора⁸⁵ добавляло правдоподобия этой версии его гибели в глазах людей, не испытывавших теплых чувств к покойному. По всей видимости, слухи о том, что август намеревался стать богом, бросившись в воды реки, имели довольно широкое хождение – не будь Фемистий уверен, что его аудитория поймет намек, он едва бы стал использовать имя бросившегося в жерло Этны Эмпедокла для критики недавно почившего государя⁸⁶. Впрочем, возможно, и более широкое толкование этого отрывка. Нельзя исключать, что, вспоминая о самоубийственном прыжке философа в вулкан, Фемистий намекал на погубивший Юлиана персидский поход.

ПАМЯТЬ

Черная легенда о Юлиане, к формированию которой приложил

---

⁸³ Heather, Moncur. 2001: 170–171, n. 109. Cp. Swain. 2013: 67–68.

⁸⁴ О смерти Юлиана в языческой и христианской традиции, См.: Bowersock. 1978: 116–118; Paschoud. 1979: 204–206; Demandt. 2007: 132–133.

⁸⁵ Amm. XXV.4; XXII.12.2; Eutrop. XVI; Epit. De Caes. XLIII.8; XIV.2; Soc. III.1; 21; Greg Naz. IV.59; V.8; 14.

⁸⁶ Cracco Ruggini. 1972: 232–239; Bouffartigue. 2006: 117; Jones. 2010: 502–503.

руку Григорий Богослов, не имела возможности утвердиться в общественном сознании поколения, заставшего правление императора. Его подданные чаще вспоминали о военных победах августа, его непредвзятом суде и справедливых законах, чем о его смешной бороде и эксцентричном поведении. Даже некоторые последователи новой веры были вынуждены признать, что не будь Юлиан язычником, он был бы весьма достойным правителем. Августин Гиппонский описывал императора как человека «превосходных дарований» (Aug. De Civ. V.21), а христианский поэт Пруденций вспоминал об августе-идолопоклоннике как о «храбрейшем вожде», прославившемся своими победоносными войнами и судебными установлениями, защитнике Отечества, который, на собственную беду, отказался от «истинной веры» (Prud. Apoth. 449–453). Для язычников Юлиан и вовсе стал примером идеального государя⁸⁷. Еще и в конце V в. афинские философы вели летоисчисление «от царствования Юлиана» (Marin. V. Procl. XXXVI), а писавший в конце V столетия Зосим – последний языческий историк античности – именовал императора «Великим» (*Ιουλιανός ο Μέγας* – Zos. V.2.1)⁸⁸.

Победа новой веры на долгие столетия вымарала положительные качества Юлиана Отступника из истории. Уже у писавшего в середине V столетия Феодорита император предстает кровожадным гонителем, свирепым чудовищем, гадавшим по внутренностям женщин (Theod. HE. III.26–27). По мере выхолащивания исторической памяти именно эти представления о Юлиане постепенно становилось хрестоматийными. Христианские историки, хронисты и агиографы последующих столетий многократно пересказывали страшные истории о демоническом «Отступнике», постоянно придумывая новых мучеников, якобы пострадавших в его царствование⁸⁹.

---

⁸⁷ См.: *Ведешкин*. 2018: 219.

⁸⁸ Можно предположить, что этот эпитет Зосим почерпнул из труда Евнапия Сардского писавшего на рубеже IV–V вв., который послужил основным (но, впрочем, не единственным) источником для II–V книг «Новой истории». Патриарх Фотий, имевший возможность сравнивать оба произведения заявлял, что Зосим не написал собственный труд, но лишь переписал Евнапия (Phot. Bibl. 98). Об источниках Зосима, См.: *Goffart*. 1971: 412; *Ridley*. 1972: 277–302; *Paschoud*. 1975; *Liebeschuetz*. 2003: 203–216.

⁸⁹ В Средние века главным источником знаний об императоре служил т.н. «Повесть о Юлиане», созданная в VI в. на территории Восточной Римской империи. В ней Юлиан предстает в образе злокозненного чародея, гадавшего на сердцах младенцев и вскрытых утробах беременных христианок. Впоследствии эти рассказы об Отступнике перешли в «Житие Василия Великого» псевдо-Амфилохия Ико-

Переоценка личности императора началась лишь в Новое время. Гуманисты с удивлением обнаружили в Юлиане веротерпимого правителя, которого можно было бы поставить в пример государям раздираемой религиозными войнами Европы⁹⁰, а мыслители XVII–XVIII в. – союзника в борьбе против клерикализма. Именно в сочинениях просветителей Юлиан был вновь назван тем прозвищем, под которым он сам, по-видимому, хотел остаться в истории – «Философ»⁹¹.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- AE. – L'Année épigraphique.
GRM. – Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie / Hrsg. von W. Roschers. Bd. I – VI. Leipzig: Teubner, 1884 – 1937.
LSA – 'Last Statues of Antiquity (LSA)' Database (<http://laststatues.classics.ox.ac.uk/>)
PLRE I – Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume I. A.D. 260–395. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
RIC – The Roman Imperial Coinage

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ведешкин М.А. «Когда я вышел уже из детского возраста, мой путь лежал через труды Платона и Аристотеля»: Аристотель и перипатетическая традиция в куррикулуме Юлиана Отступника // История философии. 2017. Т. 22. № 2. С. 20–28.
Ведешкин М.А. Потерянное звено «Золотой цепи»: Эдесий и пергамская школа неоплатонизма // Hypothekai. 2019. Т. III. С. 13–59.
Ведешкин М.А. Языческая оппозиция христианизации Римской империи IV–VI вв. СПб., 2018.
Монтедь М. Опыты. М.; Л., 1958.
Athanassiadi P. Julian: An Intellectual Biography. L.; N.Y., 1992.
Baker-Brian N.J., Tougher S. Introduction // Emperor and Author: The Writings of Julian «the Apostate» / Ed. N.J. Baker-Brian, S. Tougher. Swansea, 2012. P. XIII–XXI.
Barnes T.D. Ammianus Marcellinus and The Representation Of Historical Reality. Ithaca, N.Y., 1998.
Barnes T.D. Himerius and the Fourth Century // Classical Philology. 1987. Т. 82. № 3. P. 206–225.

нийского (См.: Muraviev. 2001: 240–249.), созданное на рубеже VIII–IX вв. грекоязычными монахами, бежавшими в Италию от преследования императоров-иконоборцев. Уже в IX в. «Житие» было переведено на латынь и вскоре стало одним из самых читаемых произведений Средневековой агиографии, а также одним из источников знаменитой «Золотой легенды». См.: Wortley. 1980: 217–239.

⁹⁰ См.: например: Монтедь. 1958: 402–406; The Correspondence of Erasmus: Letters 1356 to 1534 (1523–1524). 1992: 385.

⁹¹ См.: например, Voltaire. 1765: 139.

- Belayche N.* «Partager la table des dieux». L'empereur Julien et les sacrifices // Revue de l'histoire des religions. 2001. T. 218. № 4. P. 457–486.
- Borchardt C.F.A.* Hilary of Poitiers' Role in the Arian Struggle. Leiden, 1966.
- Bouffartigue J.* L'Empereur Julien et la culture de son temps. P., 1992.
- Bouffartigue J.* L'état mental de l'empereur Julien // Revue des Études Grecques. 1989. T. 102. P. 529–539.
- Bouffartigue J.* La lettre de Julien à Thémistios: histoire d'une fausse manœuvre et d'un désaccord essentiel // Topoi. Orient-Occident. 2006. T. 7. № 1. P. 113–138.
- Bowersock G.* Julian the Apostate. Cambridge, 1978.
- Bradbury S.* The Date of Julian's Letter to Themistius // GRBS. 1987. T. 28. № 2. P. 235–251.
- Brauch T.* The Prefect of Constantinople for 362 AD: Themistius // Byzantion. 1993b. T. 63. P. 37–78.
- Brauch T.* Themistius and the Emperor Julian // Byzantion. 1993a. T. 63. P. 79–115.
- Brown P.* Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire. Madison, 1992.
- Cameron A.* The Empress and the Poet: Paganism and Politics at the Court of Theodosius II // Later Greek Literature Yale Classical Studies. / Ed. J.J. Winkler, G. Williams. Cambridge; N.Y., 1982.
- Cracco Ruggini L.* Simboli di battaglia ideologica nel tardo ellenismo (Roma. Atene. Costantinopoli; Numa, Empedocle, Cristo). Pisa, 1972.
- Cribiore R.* The School of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton: Princeton University Press, 2007.
- Dagron G.* L'Empire romain d'Orient au IVe siècle et les traditions politiques de l'hellénisme: le témoignage de Thémistios. P., 1968.
- Daly L.J.* In a Borderland: Themistius' Ambivalence toward Julian // Byzantinische Zeitschrift. 1980. T. 73. № 1. P. 1–11.
- Demandt A.* Die Spätantike: Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian 284 bis 565 n.Chr. München, 2007.
- Diehl C., Cousin G.* Inscriptions de Iasos et de Bargylia // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1889. T. 13. № 1. P. 23–40.
- Dignas B., Winter E.* Rome and Persia in Late Antiquity: Neighbours and Rivals. Cambridge, 2007.
- Dodgeon M.H., Lieu S.N.C.* The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars AD 226–363: A Documentary History. N.Y., 1994.
- Downey G.* A History of Antioch in Syria: From Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, 1961.
- Dvornik F.* Early Christian and Byzantine Political Philosophy: Origins and Backgrounds. Washington, 1966.
- Dvornik F.* The Emperor Julian's «Reactionary» Ideas on Kingship // Late classical and mediaeval studies in honor of Albert Mathias Friend, Jr. / Ed. K. Weitzmann. Princeton, 1955. P. 71–81.
- Elm S.* Sons of Hellenism, Fathers of the Church: Emperor Julian, Gregory of Nazianzus, and the Vision of Rome. Berkeley, 2012. 576 c.
- Fornara C.W.* Studies in Ammianus Marcellinus: II: Ammianus' Knowledge and Use of Greek and Latin Literature // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1992. T. 41. № 4. P. 420–438.
- Gathier N.* La notion d'apostat dans l'Occident latin du IVe siècle // Les chrétiens

face à leurs adversaires dans l'Occident latin au IVe siècle / Ed. J.-M. Poisotte. Rouen, 2001. P. 129–142.

Geason M.W. Festive Satire: Julian's Misopogon and the New Year at Antioch // *The Journal of Roman Studies*. 1986. T. 76. P. 106–119.

Goffart W. Zosimus, The First Historian of Rome's Fall // *The American Historical Review*. 76. 1971. P. 412–441.

Goulet R. Mais qui était donc le gendre de la sœur de Priscus? Enquête sur les philosophes d'Athènes au IVe siècle après J.-Chr. // *Studia graeco-arabica*. 2012. T. 2. P. 33–77.

Greatrex G., Lieu S.N.C. The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars AD 363–628. L., 2007.

Griffith S.H. Ephraem the Syrian's Hymns «Against Julian»: Meditations on History and Imperial Power // *Vigiliae Christianae*. 1987. T. 41. № 3. P. 238–266.

Heather P., Moncur D. Politics, Philosophy and Empire in the Fourth Century: Themistius' Select Orations. Liverpool, 2001.

Henck N. Constantius' Paideia, Intellectual Milieu and Promotion of the Liberal Arts // *The Cambridge Classical Journal*. 2001. T. 47. P. 172–187.

Hunt D. et al. The Cambridge Ancient History: The Late Empire, A.D. 337-425 / Ed. Av. Cameron, P. Garnsey. Cambridge, 2008.

Isaac B. The Invention of Racism in Classical Antiquity. Princeton, N.J., 2006.

Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume I. A.D. 260-395. Cambridge, 1971.

Jones C. Themistius after the Death of Julian // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 2010. T. 59. № 4. P. 501–506.

Kelly G. Ammianus' Greek Accent // *TALANTA*. 2013. T. XLV. P. 67–79.

Kelly G. Constantius II, Julian, and the Example of Marcus Aurelius (Ammianus Marcellinus XXI, 16, 11-12) // *Latomus*. 2005. T. 64. № 2. P. 409–416.

Kelly J.N.D. Golden Mouth: The Story of John Chrysostom-Ascetic, Preacher, Bishop. N.Y., 1998.

Lacombrade C. L'Empereur Julien émule de Marc-Aurèle // *Pallas. Revue d'études antiques*. 1967. T. 14. P. 9–22.

Lecerf A. Iamblichus and Julian's "Third Demiurge": A Proposition // *Iamblichus and the Foundations of Late Platonism* / Ed. E. Afonasin, J.M. Dillon, J.F. Finamore. Leiden; Boston, 2012. P. 177–201.

Lennon J.J. «Victimari» in Roman Religion and Society // *Papers of the British School at Rome*. 2015. T. 83. P. 65–89.

Liebeschuetz J.H.W.F. Antioch: City and Imperial Administration in the Later Roman Empire. Oxford, 1972.

Liebeschuetz J.H.W.F. East and West in Late Antiquity: Invasion, Settlement, Ethnogenesis and Conflicts of Religion. Leiden, 2015.

Liebeschuetz W. Pagan Historiography and the Decline of the Empire // *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A.D.* / Ed. G. Marasco. Leiden; Boston, 2003. P. 177–218.

Marcone A. The Forging of an Hellenic Orthodoxy: Julian's Speeches against the Cynics // *Emperor and Author: The Writings of Julian «the Apostate»* / Ed. N.J. Baker-Brian, S. Tougher. Swansea, 2012. P. 239–250.

Matthews J. Roman Empire of Ammianus. L., 1989.

Muraviev A.V. The Syriac Julian Romance as a Source of the Life of St. Basil the

Great // *Studia Patristica*. 2001. T. 37. P. 240–249.

Pack E. Städte und Steuern in der Politik Julians: Untersuchungen zu den Quellen eines Kaiserbildes. Bruxelles, 1986.

Paschoud F. Cinq études sur Zosime. P., 1975.

Paschoud F. Zosime. Histoire nouvelle II (Livre III). P., 1979.

Penella R.J. The Private Orations of Themistius. Berkeley, 1999.

Petit P. Libanius et la vie municipale à Antioche au IVe siècle après J.-C. Beyrouth, 1955.

Petrocheilos N. Roman Attitudes to the Greeks. Athens, 1974.

Prato C., Fomaro A. Giuliano Imperatore: Epistola a Temistio. L, 1984.

Ridley R.T. Zosimus the Historian // *Byzantinische Zeitschrift*. 65. 1972. P. 277–302.

Rike R.L. Apex Omnium: Religion in the Res Gestae of Ammianus. Berkeley; Los Angeles; L., 1987.

Rochette B. À propos du bilinguisme de l'empereur Julien: un réexamen // *Latomus*. 2010. T. 69. № 2. P. 456–478.

Ruiz M.P.G. Julian's Self-Representation in Coins and Texts // *Imagining Emperors in the Later Roman Empire* / Ed. A.J. Ross, D.P.W. Burgersdijk. Leiden; Boston, 2018. P. 204–233.

Sánchez-Ostiz A. Iulianus Latinus: la lengua cambiada de los personajes de Amiano Marcelino // *De Grecia a Roma y de Roma a Grecia: un camino de ida y vuelta Mundo antiguo Nueva Serie.* / Ed. A. Sánchez-Ostiz, J. Torres Guerra, R. Martínez Fernández. Pamplona, 2007. P. 293–308.

Smith J.N. The Christian's Guide to Greek Culture: The Pseudo-Nonnus «Commentaries» on «Sermons» 4, 5, 39 and 43 by Gregory of Nazianus. Liverpool, 2002.

Smith R. Julian's Gods: Religion and Philosophy in the Thought and Action of Julian the Apostate. L.; N.Y., 1995.

Smulders P. Hilary of Poitiers' Preface to his Opus Historicum: Translation and Commentary. Leiden; N.Y., 2015.

Swain S. Themistius, Julian and Greek Political Theory under Rome. Cambridge, N.Y., 2013.

Teitler H.C. The Last Pagan Emperor: Julian the Apostate and the War against Christianity. Oxford, N.Y., 2017.

The Correspondence of Erasmus: Letters 1356 to 1534 (1523–1524) / Ed. R.A.B. Mynors, A. Dalzell, J.M. Estes. Toronto; Buffalo; L., 1992.

Thompson E.A. Julian's Knowledge of Latin // *The Classical Review*. 1950. T. 64. № 2. P. 51–53.

Tougher S. Julian the Apostate. Edinburgh, 2007.

Van Hoof L., Nuffelen P.V. Monarchy and Mass Communication: Antioch A.D. 362/3 Revisited // *The Journal of Roman Studies*. 2011. T. 101. P. 166–184.

Vanderspoel J. Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty, and Paideia from Constantius to Theodosius. Ann Arbor, 1995.

Varner E.R. Roman Authority, Imperial Authoriality, and Julian's Artistic Program // *Emperor and Author: The Writings of Julian «the Apostate»* / Ed. N.J. Baker-Brian, S. Tougher. Swansea, 2012. P. 183–210.

Voltaire. Dictionnaire philosophique portatif. L., J.B.H. Leclerc, 1765.

Wortley J. The Pseudo-Amphilochian Vita Basilii: An Apocryphal Life of Saint Basil the Great. 1980. T. 2. P. 217–239.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НА ЯЗЫКЕ МЕТАФОР

С.И. Лучицкая

МЕТАФОРЫ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ В
СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ (*вместо*
Введения).....5

А.В. Русанов

ДОМ УЧЕНОСТИ, СЕМЕНА ЗНАНИЯ, СОКРОВИЩНИЦА
НАУКИ: РИТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ
МЕТАФОРЫ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ
СООБЩЕСТВ В XIII–XIV ВВ.....16

П.С. Бычков

МЕТАФОРА ТЕЛА КАК СПОСОБ ОПИСАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО
В «КНИГЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕЛА»
КРИСТИНЫ ПИЗАНСКОЙ.....35

Л. А. Пименова

ОТ ДРЕВА МОНАРХИИ К НАЦИИ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
МЕТАФОР ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ.....51

Т.В. Артемьева

«ОБРАТНАЯ» МЕТАФОРА КОРАБЛЯ: ЧЕРЕЗ СОЦИУМ
К МЕТАФИЗИКЕ.....69

А.П. Петухова

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ РЯД В ТЕКСТАХ
РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.:
ЧТО ДАЕТ ИСТОРИКУ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....80

Л.Б. Сукина

ВИЗУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА СРЕДНЕВЕКОВОГО СОЦИУМА
НА РУССКИХ ИКОНАХ «О ТЕБЕ РАДУЕТСЯ»
КОНЦА XV–XVI В.....99

Д.Д. Харман

ТАК СУДЬБА СТУЧИТСЯ В ДВЕРЬ: «ЖИРНАЯ КУХНЯ» И
«БЕДНАЯ КУХНЯ» ПИТЕРА БРЕЙГЕЛЯ СТАРШЕГО КАК
МЕТАФОРА НИДЕРЛАНДСКОГО ОБЩЕСТВА XVI в.....123

А.Е. Махов

СТОИЦИЗМ И ЕГО МЕТАФОРЫ В КНИЖНОЙ
ЭМБЛЕМАТИКЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ.....145

ОБРАЗЫ ВЛАСТИ

М.А. Ведешкин

ОТ «ГРЕЧИШКИ» ДО «МОЛНИИ»: О МНОГИХ ПРОЗВИЩАХ
ИМПЕРАТОРА ЮЛИАНА.....176

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

О.А. Соколов

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ В ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ ЭПОХИ
АРАБСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ.....201

РЕЦЕНЗИИ

А.Б. Герштейн

МИР МЕЖДУ РАЕМ И АДом: ПРАЗДНИК ТРЁХ ЦАРЕЙ
ИЕРОНИМА БОСХА (Рец. на: *М.Р. Майзульс. Между Христом и
Антихристом: «Поклонение Волхвов» Иеронима Босха».*
М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 238 с.).....218

SUMMARIES.....223

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....230

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА.....232

СОДЕРЖАНИЕ.....233

CONTENTS.....235

CONTENTS

SOCIAL ENTITIES AND THEIR METAPHORICAL INTERPRETATIONS

S.I. Luchitskaya

METAPHORS OF SOCIETY: THE MEDIEVAL AND EARLY
MODERN SOCIAL IMAGINATION (in lieu of an introduction).....5

A.V. Rusanov

THE HOUSE OF SCHOLARSHIP, THE SEEDS OF KNOWLEDGE,
THE TREASURY OF SCIENCE: RHETORICAL IMAGERY
AND SOCIAL METAPHORS OF 13th AND 14th CENTURIES
WESTERN EUROPEAN ACADEMIC COMMUNITIES.....16

P.S. Bychkov

THE USE OF BODY METAPHOR IN DESCRIBING THE
SOCIAL IN CHRISTINE DE PIZAN'S "THE BOOK OF
THE BODY POLITIC".....35

L.A. Pimenova

FROM THE MONARCHY TREE TO NATION: THE USE
OF METAPHORS IN EARLY MODERN FRENCH
POLITICAL DISCOURSE.....51

T.V. Artemyeva

THE 'REVERSE' SHIP METAPHOR: APPROACHING
METAPHYSICS VIA SOCIETY.....69

A.P. Petukhova

THE STRUGGLE FOR THE AUDIENCE: METAPHORS IN THE
TEXTS OF LATE 19th AND EARLY 20th CENTURIES
RUSSIAN CONSERVATIVES.....80

L.B. Sukina

A VISUAL METAPHOR OF THE MEDIEVAL SOCIETY IN
THE LATE 15th – EARLY 16th CENTURIES RUSSIAN
"IN THEE REJOICETH" ICONS 99

D.D. Harman

THUS FATE KNOCKS AT THE DOOR: PIETER BRUEGEL

THE ELDER'S 'THE FAT KITCHEN' AND 'THE THIN KITCHEN' AS A METAPHOR OF SOCIAL MOBILITY.....	123
---	-----

A.Eu. Makhov

STOICISM AND ITS METAPHORS IN EARLY MODERN EMBLEM BOOKS.....	145
---	-----

IMAGES OF POWER

M.A. Vedeshkin

FROM 'GREEKLING' TO 'THUNDERBOLT': THE MANY NICKNAMES OF EMPEROR JULIAN.....	176
---	-----

HISTORICAL MEMORY

O.A. Sokolov

THE CRUSADES IN THE ARABIC RENAISSANCE POETRY AND PROSE.....	201
---	-----

REVIEWS

A. B. Gerstein

THE WORLD BETWEEN PARADISE AND HELL: "FEAST OF THE THREE KINGS" BY H. BOSCH (Rev.: <i>Maizuls M.R.</i> Between Christ and Antichrist: "The adoration of the Magi" by H. Bosch. Moscow.: Alpina non-fiction, 2021. 238 p.).....	218
---	-----

SUMMARIES.....	223
----------------	-----

POLICY PAGE.....	232
------------------	-----

LIST OF AUTHORS.....	233
----------------------	-----

CONTENTS.....	235
---------------	-----